

осуществлен анализ сложного семантического феномена, в результате которого с учетом данных психологии, психолингвистики, философии, семасиологии, стилистики и прагматической лингвистики вскрыт механизм формирования коннотации, показана ее онтология, семантическая структура, формальные сигналы, механизмы ее работы и эффект ее применения. Огромный и безупречный иллюстративный материал книги повышает убедительность аргументации выдвигаемых автором идей.

Книга В. Н. Телия ценна также четко выделенной и сформулированной проблематикой дальнейших исследований. В частности, В. Н. Телия обращает внимание на необходимость возвратиться к изучению внутренней формы на материале разных типов лексического значения; исследовать взаимодействие эмотивно-оценочной модальности и стилистической маркированности; описать стилистический статус и стилистическую функцию экспрессивно окрашенной лексики и ее коннотативности; с позиции новых данных о коннотации проанализировать и классифицировать средства и способы формирования и функционирования кон-

нотации в тексте и подтексте. Данным перечнем актуальной проблематики В. Н. Телия как бы направляет интересы лингвистов по руслу не познанного еще в тематике коннотации.

По своей концептуальной значимости монография явно превышает свой объем, и поэтому читатели вправе ожидать от В. Н. Телия специальных книг о метафоре, об экспрессивности и модальности, о которых автором высказано попутно с рассматриваемой проблемой много интересных соображений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1980.
2. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977.
3. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Шаховский В. И.

Bergmane A., Blinkena A. Latviešu rakstības attīstība. Latviešu literārās valodas vēstures pētījumi. Rīga: Zinātne, 1986. 435 lpp.

Бергмане А., Блинкена А. Развитие латышской письменности. Исследования в области истории латышского литературного языка. Рига: Зинатне, 1986. 435 с.

Коллектив Отдела литературного языка Института языка и литературы им. А. Упита АН ЛатвССР под руководством чл.-корр. АН ЛатвССР А. Я. Блинкены в течение более чем двух десятилетий занимается изучением истории латышского литературного языка. В коллективной работе, в отличие от многих других исследований истории литературных языков, рассматриваются явления латышского языка системно по их уровням; она планируется в нескольких книгах. Вышла в свет первая из них — «Развитие латышской письменности», в печати находится вторая — «Развитие морфологической структуры латышского литературного языка».

История латышского литературного языка как самостоятельная отрасль балтийского языкознания сложилась в послевоенные годы. Всесторонне поэтапно изучать историю латышского литературного языка начал А. Озол¹. В 1961 г. вышла его монография «Язык латышских

народных песен», а в 1965 г. — «Старолатышский письменный язык» (обе книги на латышском языке).

На необходимость разработки истории латышского литературного языка и латышской письменности указывал еще в 1933 г. Я. Эндзелин. Говоря о задачах латышских языковедов, он писал: «И на конец снова надо издать некоторые из старых письменных памятников... и основательно изучать наши первые тексты. В связи с этим необходимо создать и историю латышского письменного языка и орфографии» [1].

В названных монографиях А. Озол охарактеризовал истоки латышского литературного языка в двух его проявлениях: язык латышских народных песен и так называемый старолатышский письменный язык, создателями которого были главным образом немецкие священники (XVI в. — до середины XIX в.). Развитие элементов языка и письменности в работах А. Озола прослеживается по хронологическим периодам. Исследование же истории латышского литературного языка языковедами АН ЛатвССР ведется по уровням. История письменности выделена отдельно. При таком подходе конкретные

¹ До него уже было немало исследований в этой области, например, работы А. Биленштейна, К. Мюленбаха, Я. Эндзелина, П. Шмита, Л. Берзиньша, А. Аугсткалнса и др.

изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе прослеживаются более рельефно. Сказанное можно отнести и к развитию графетики², орфографии, пунктуации и т. д.

Поскольку построение истории латышского литературного языка начинается с изучения старинных источников, возникает необходимость адекватно идентифицировать графические знаки и знать их фонетические соответствия, которые в течение четырех столетий сильно изменились.

А. Бергмане и А. Блинкена проследили в своей книге развитие латышской письменности, начиная с первых известных памятников XVI в. до печатных текстов наших дней, проанализировав одновременно принципы нормирования письменного языка в историческом аспекте.

Содержание книги шире, чем об этом говорит заглавие, так как кроме графики, орфографии и пунктуации в ней рассматриваются также становление норм орфоэпии, история интонации слога, ударения, состав и развитие фонем, т. е. показано не только развитие письма, но частично и самого языка.

Работа А. Бергмане и А. Блинкены представляет интерес с методической и методологической точек зрения при решении общетеоретических проблем письма. Она имеет и несомненное практическое значение, так как проведенное исследование дает возможность по-новому взглянуть на некоторые спорные проблемы истории латышского литературного языка и с большей объективностью решить ряд практических вопросов нормирования латышского языка.

Во введении авторы касаются проблемы истоков латышского литературного языка, ставшей в последнее десятилетие предметом острых языковедческих дискуссий. Так, согласно одной из двух противоборствующих точек зрения, текстам, написанным нелатышами (XVI—XIX вв.), отказывается в статусе памятников литературного языка. Авторы книги (и не только они) придерживаются иного мнения: письменный язык предшествующих столетий они рассматривают как неотъемлемую ступень в истории латышского литературного языка, считая, что без ее учета и определения ее места в процессе развития литературного языка не может быть адекватного представления о современном литературном языке как продукте четырехвекового исторического развития.

² Под графетикой авторы понимают набор письменных знаков, отражающих только фонемный состав языка, в отличие от графики, включающей в себя всю совокупность письменных знаков данного языка (буквы, знаки препинания и др.).

Далее авторы пишут: «В отличие от многих других языков, даже, например, от близкородственного литовского языка, начало латышского литературного языка более сложно. Современный литературный язык складывается из слияния двух разнородных потоков — один из них живой язык народа, особенно язык устного творчества, преимущественно язык народных песен, второй — старолатышский письменный язык, который постепенно создавали и шлифовали нелатыши. Когда в середине XIX в. поднялась волна национального движения, образованная часть латышского народа стала проявлять заботу о развитии национального литературного языка, опираясь как на традиции письменного языка, созданного нелатышами, так и на лучшие образцы живого языка народа. Со слиянием обоих потоков и начался новый этап латышского литературного языка — латышский национальный литературный язык как объединяющее начало формирующейся латышской нации, язык которой был призван отражать общность национальной культуры...» (с. 13).

Чтобы оценить данную концепцию, необходимо обратиться к общей теории литературных языков, с одной стороны, и проанализировать конкретную ситуацию развития литературного языка — с другой. Общим методологическим положением, применимым к трактовке истории латышского литературного языка, А. Блинкена считает мнение В. В. Виноградова о необходимости проследить литературные языки «на всем протяжении их истории, а не только на ее новом и тем более только на ее новейшем этапе; необходимо преодолеть широко наблюдающуюся тенденцию ограничивать изучение литературного языка одним XIX—XX вв. Лишь изучение этого языка в движении на протяжении всей доступной нам истории отдельных языков дает возможность определить масштаб проблемы литературного языка» [2].

Итак, основными истоками современного латышского языка авторы признают: а) народный разговорный язык, б) язык фольклора, особенно язык народных песен, в) письменные памятники, начиная с XVI в. Однако не все эти компоненты действовали одновременно и в равной мере отражают процесс развития литературного языка в различные хронологические периоды. Так, народная разговорная речь представляет надежные данные для истории литературного языка, но она удовлетворительно зафиксирована лишь на небольшом отрезке развития языка. Фольклор отражает, к сожалению, преимущественно древние времена, хотя сам его язык может быть образованием и более позднего времени.

Самые надежные памятники — письменные, они к тому же закреплены и хронологически. Поскольку в XIV—XIX вв. они писались главным образом латышскими, их научная ценность нередко ставилась под сомнение. Однако исследования последних годов доказывают, что эти письменные памятники не только можно, но и должно использовать для построения истории литературного языка. По этому поводу в свое время Я. Эндзелин писал: «Эти тексты нам чужды не своим языком, а написанием» [3]. В старолатышских текстах можно распознать разговорный язык того времени и зачатки различных стилей. Начиная с XVII в. эти тексты сознательно обрабатывались в стремлении создать единый литературный вариант языка, ограниченный от говоров. Исследование А. Бергмане и А. Блинкены подтверждает приведенную оценку текстов старолатышской письменности.

На фоне современной латонистики рецензируемая работа представляет более основательно и детально разработанную концепцию многих актуальных вопросов современной языковой практики. В ряде случаев диахронические наблюдения над узусом письменности обосновывают статус современных норм. Так, например, оказывается, что написание слов *bībele* «библия», *dievs* «бог» со строчной буквы отнюдь не является отражением современной установки, а имеет столетнюю давность.

В книге показано, как латышская письменность отражает освоение новых фонем [f], [h], [o], [ō] и исчезновение отмирающих [r]. Так, буква и соответствующая ей смягченная фонема [r] многие десятилетия является объектом спора — включать или не включать ее в состав фонем современного латышского литературного языка и, следовательно, в алфавит. Из описания истории *r* и [r] явствует, что в текстах XVI в., где для многих фонем нет еще установившегося графического обозначения, трудно сказать что-либо определенное об употреблении и распространении [r] в этот период (с. 126). В XVII в. уже появляются знаки для обозначения смягченного [r] в текстах Г. Манцелиуса (1638), Х. Адольфи (1685), в первом издании Библии (1685—1694), во втором издании Библии (1739) и др. Г. Ф. Стендер букву *r* помещает рядом с буквой *r* как в своей грамматике (1783), так и в азбуке (1787). В грамматике О. Розенбергера (1830) также говорится об употреблении согласного [r] вместо [r].

Но все же в употреблении буквы *r* с XVIII в. до первых десятилетий XX в. нет последовательности даже в одном и том же тексте. Такой разнობой, по мнению А. Бергмане, говорит о том, что «непоследовательность в употреблении буквы *r*

в это время отражает не только иногда не улавливаемую нелатышскими палатализациями согласного *r*, но и свидетельствует о том, что в латышском языке палатализованный звук [r] уже начинает заменяться твердым [r]» (с. 127). Г. Баар, будучи хорошим знатоком фонетики (он первым предложил вариант новой латышской орфографии, близкой к современной), в 1847 г. заметил, что звук *r* в латышском языке обнаруживает тенденцию к исчезновению или заменяется твердым *r* [4].

В конце XIX — начале XX в. с целью сохранить исчезающий звук делается попытка установить принципы употребления [r] и [r]. Их в виде четко сформулированных правил находим в грамматике Я. Эндзелина и К. Мюленбаха (1907). Однако уже в это время появляются высказывания в пользу изъятия из алфавита смягченного *r*. Возражая этому, Я. Эндзелин в 1908 г. пишет: «Несмотря на то, что звук *r* во многих местностях уже исчез, его следы ощущаются во всех говорах, поэтому латышская грамматика без него никак не может обойтись» [5]. Несколько десятилетий спустя он признает, что «реанимированный в письменном языке *r* сохранился [в произношении. — Р. Я.] только в западных говорах» [6].

В конце 30-х — начале 40-х годов было принято несколько орфографических решений, касающихся «судьбы» [r] в литературном языке. Так, в 1938 г. Комиссия правописания запрещает смягчать *r*, в 1939 г. допускает факультативность его употребления, а в 1940 г. признает, что смягченный *r* следует употреблять согласно системе грамматики, однако в тех случаях, где система языка смягчения не требует, допустить факультативное употребление *r*, например: *jūra/jūra* «мор», *barot/barot* «кормить».

Правило] употребления на письме [r] оставалось в силе до 1945 г., хотя во многих говорах [r] уже не было и его не употребляло большинство говорящих на литературном языке. Поэтому в 1946 г. употребление на письме *r* было отменено. Такое решение является закономерным следствием естественного развития языка.

В работе А. Бергмане и А. Блинкены тщательно прослеживается развитие латышской графетики, орфографии, употребления прописных букв и пунктуации. Много внимания уделено описанию развития графики.

Первые тексты латышской письменности, как известно, печатались готическими буквами, обычно фактурой, а начиная с XVII в. появляется антиква. И только с 40-х годов XX в. фактура полностью заменяется антиквой, оптимально отражающей звуковую систему латышского языка. Разработан также алфавит,

который почти в совершенстве удовлетворяет всем требованиям рациональной графики: каждая фонема соответствует одна буква; каждая буква обозначает одну фонему. Исключения единичны. К таким нарушениям принципа можно отнести передачу буквой *o* заимствованных фонем [o], [õ] (*foto* [fotõ]) и дифтонга [ua]; кроме того, фонемы [з] и [ž] обозначаются диграфами *dz* и *dž*.

Во второй половине XIX в. спорадически появляются попытки употребления кириллицы. Еще в 1830 г. О. Розенбергер рекомендует некоторые буквы, например, *sch*, *tsch*, заменить русскими буквами *ж*, *ш*, *ч*. Это предложение тогда не было принято, но в 60-х и 70-х годах XIX в. вышли отдельные книги, в которых был использован русский алфавит, например, сборники латышских народных песен, составленные Я. Спрогисом (1857) и Ф. Бривземниексом (1873).

В 80-х годах в губерниях Прибалтики проводилась политика русификации, русский язык был объявлен официальным языком, в том числе в школе как язык обучения; в русских газетах появились статьи, предлагающие использовать для латышского языка русский алфавит. Но эти идеи не нашли поддержки на практике, поскольку кириллица недостаточно адекватно отражает латышскую фонетическую систему.

Анализ развития латышской пунктуации дается в культурно-историческом плане в сравнении с системами пунктуации тех языков, с которыми латышский язык имел контакты;

Показывая развитие употребления знаков препинания, формирование нормы и ее колебания, автор раздела А. Блинкена не называет свою точку зрения, а дает возможность читателю самому делать сравнение и выводы. Исследование показывает, что пунктуация, как и письменность в целом, в начале развивается стихийно, основываясь главным образом на интуиции пишущего или подражая образцам других языков. В начале развития письма знаков препинания было немного, со временем их число увеличилось; более разнообразным стало их употребление. До середины XVIII в. отсутствовали указания или рекомендации по употреблению знаков препинания. Это было главным образом делом мастера типографии.

История латышской письменности показывает, что развитие системы пунктуации идет параллельно с изучением грамматической структуры языка. Поэтому в латышской пунктуации изначально доминирует грамматический принцип пунктуации, внедрению которого способствуют и ближайшие контактные языки — русский и немецкий, в которых также основ-

ным является грамматический принцип пунктуации.

Описание истории пунктуации затрагивает всю актуальную проблематику этой области; решение спорных вопросов автор доверяет самим фактам языка, не навязывая читателю своего мнения, что создает ощущение большой достоверности. С другой же стороны, при таком подходе нередко остается невыраженной точка зрения автора и рекомендуемая им норма.

В заключение хочется напомнить одно обстоятельство, отмеченное Д. Нитиней [7]. Д. Нитиня в рецензии на данную работу пишет: «...задачу А. Бергмане затрудняет тот факт, что фономорфологическая система латышского языка недостаточно исследована, как это, например, сделано в литовском языкознании (в работе А. Гирдяниса „Фонология“ и др. исследований)» [7]. Остановливаясь на недостатках рецензируемой работы, следует заметить, что в отдельных случаях недостаточно акцентирован нормативный аспект рассмотренных явлений. Слишком скупо дан обзор истории развития графетики, что впрочем, компенсируется богатым иллюстративным материалом — копиями текстов различных периодов. В рецензируемой работе сохранено традиционное написание фонем [ie] и [uo], хотя последний компонент обеих фонем (или, как их называет Я. Лоя, — сложных гласных) ближе к звуку *a*. Поэтому в их транскрибировании более целесообразно было бы использовать знаки *ia* и *ua*, как это рекомендовали еще Г. Баар (1847), М. Вилломсон (1860) и К. Биезбардас (1874). Такое отражение названных фонем, на наш взгляд, целесообразно методически и при составлении учебников латышского языка для тех, для кого латышский язык не является родным.

В целом монография заслуживает самой положительной оценки. Она показывает, как в течение многих столетий развивалась и совершенствовалась латышская письменность и как постепенно сложилась современная литературная письменная норма. Теоретический аспект работы А. Бергмане и А. Блинкены послужит стимулом к дальнейшему изучению истории письменности балтийских языков, а также решению практических вопросов латышской письменности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Endzelīns J.* Latviešu valodnieku turpmākie uzdevumi // Darbu izlase. III sēj. 2 daļa. Rīga, 1980. Lpp. 108.
2. *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967. С. 37—38.

3. *Endzelins J.* Latviešu valoda // Darbu izlase. III sēj. 2. daļa. Lpp. 248.
4. *Baar G.* Über die in der lettischen Sprache vorkommenden Leute und deren einfache Bezeichnung durch die Schrift // Magazin der Lettisch-Literarischen Gesellschaft. 1847. Bd 9. St. I. S. 31.
5. *Endzelins J.* Arī drusku par ortogrā-

fiju // Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974. Lpp. 34.

6. *Endzelins J.* Latviešu valodas skaņas un formas. Rīga, 1938. Lpp. 54.
7. *Nitiņa D.* Nozīmīgs pētījums latviešu literārās valodas jomā // Latvijas PSR ZA Vestis. 1987. № 10. Lpp. 134.

Розенберг Я. Я.

Милославский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1987. 286 с.

Книга И. Г. Милославского называется «Краткая практическая грамматика русского языка». Определители «практическая» и «краткая» автором обосновываются так: практическая грамматика, так как в ней дана «постановка только... вполне конкретных задач» (с. 15); краткая грамматика, так как в ней по обсуждаемым задачам «часто называется лишь ограниченный перечень возможных решений» (с. 15). Название данной грамматики можно было бы дополнить еще и определителем «функциональная» (грамматика), так как она построена именно как функциональная в двух ее основных разновидностях или аспектах — активном и пассивном: «Грамматика „от формы — к значению“» (ч. II, пассивный аспект) и «Грамматика „от значения — к форме“» (ч. III, активный аспект). Так же соотносятся между собой части IV и V, но только применительно к письму: часть IV — «Как правильно произнести написанное» (пассивный аспект письма), часть V — «Как правильно записать услышанное» (активный аспект письма). Первую часть книги — «Русские слова. Их разряды и грамматические характеристики» — можно признать вводной. Есть также собственно Введение и Заключение.

По своему построению и содержанию это совершенно новый тип описания грамматики и письма русского языка. Активная и пассивная грамматики в их противопоставленности и взаимной дополнительности известны главным образом лишь в теоретическом осмыслении, их практическая реализация представлена впервые. Состав и конкретные формы этих грамматик могут, видимо, варьироваться, но и первый опыт их представления заслуживает внимания и высокой оценки.

Адресат, возможный читатель, на которого рассчитана грамматика и для которого она предназначена, формально не обозначен, но автор определил его весьма свободно и широко: «Представленная в данной книге грамматика адресована всем изучающим русский язык, независимо от того, каков их родной язык и какими другими языками они

владеют» (с. 13). При этом имеются в виду, хотя прямо и не сказано, изучающие русский язык как неродной, прежде всего — иностранцы (с. 284). Если это надо как-то конкретизировать, то следует в первую очередь назвать иностранных учащихся на продвинутых этапах изучения ими русского языка. Впрочем, автором это предусмотрено: «Единственное условие использования этой грамматики изучающими русский язык — это способность понимать текст этой книги» (с. 13). Но адресата книги можно определить все-таки более конкретно: это иностранные студенты-филологи и журналисты, учащиеся в условиях краткосрочных форм обучения, стажеры и, конечно, преподаватели русского языка как неродного, русские и нерусские. Книга будет очень полезной и для русских, изучающих или преподающих свой родной язык. В этом случае она приобретет и теоретический статус: система явлений, их соотношение и типология. В целом — широкий и разнообразный круг читателей может «постоянно заглядывать в грамматику, часто решая многоходовые задачи», практические или теоретические (с. 16—17).

Автор дает такой совет своим возможным читателям: «Практическая грамматика, как и словарь, предполагает не сплошное чтение, но обращение к соответствующим разделам в связи с возникающими конкретными вопросами» (с. 17). «...читатель, имея в виду как те цели, которые он ставит перед собой, изучая русский язык, так и уровень своих знаний, может обращаться к одним разделам книги и игнорировать другие» (с. 17). Соглашаясь в общем с этими рекомендациями автора, можно посоветовать, чтобы каждый читатель ознакомился с грамматикой по возможности полностью, путем сплошного чтения: это будет залогом более успешной работы с ней как справочным пособием. Можно не следовать совету автора и относительно первой части книги: «Если читатель знаком с основными грамматическими понятиями русского языка, он может полностью опустить часть I» (с. 16),—